

Валерий Брюсов

Судьбы России и русская интеллигенция

Валерий Яковлевич Брюсов

Судьбы России и русская интеллигенция

«Когда пишешь статью в наши дни, знаешь наверное, что ей суждено устареть к завтрашнему утру, если не сегодня вечером. События, – и события огромного исторического значения, – сменяются с быстротой, какую называют головокружительной. Мы теряем уверенность в расчётах на неделю вперёд: тот собирався в субботу поехать в Петроград, а в пятницу сообщение между столицами оказалось прервано; другой назначил свою лекцию на воскресенье, но накануне улицы оказались перегороженными баррикадами и под обстрелом; не надеешься на почту, не убеждён, что получишь свои деньги из банка, и т. под. ...»

Валерий Яковлевич Брюсов
Судьбы России и русская
интеллигенция

Когда пишешь статью в наши дни, знаешь наверняка, что ей суждено устареть к завтрашнему утру, если не сегодня вечером. События, – и события огромного исторического значения, – сменяются с быстротой, какую называют головокружительной. Мы теряем уверенность в расчётах на неделю вперёд: тот собирался в субботу поехать в Петроград, а в пятницу сообщение между столицами оказалось прервано; другой назначил свою лекцию на воскресенье, но накануне улицы оказались перегороженными баррикадами и под обстрелом; не надеешься на почту, не убеждён, что получишь свои деньги из банка, и т. под.

Как, при таких условиях, гадать о будущем, тем более не своем лично, а всей России. Как в частной жизни не обеспечен следующий день, так в судьбы нашей родины, теперь, чуть ли не каждые сутки вносят, часто неожиданные, изменения. Великая революция февраля-марта, июльские дни в Петрограде, требования украинцев и финнов, поход Корнилова, октябрьское потрясение, смены министров, попытки низвергнуть наше Вре-

менное правительство, вот – лишь некоторые из потрясающих явлений, которые можно запомнить. А рядом с этим продолжалась грандиозная война государств и народов, свершался Тарнопольский разгром, пала Рига, неприятель грозил Петрограду и т. д. Россия, которая ещё так недавно казалась неодолимо-сильна именно инерцией своей громады, стала как бы легкой щепой, кидаемой волнами и ветром. Так огромный дреднот, если повреждены его машины, вдруг становится, подобно самой утлой ладье, игралищем взмутьившегося океана...

Пророчествовать об том, что будет с Россией в ближайшие годы и десятилетия, ныне труднее, чем когда-либо. Суждено ли ей преобразиться в федерацию свободных штатов-республик? Распадётся ли Россия на несколько обособленных государств, или Российская республика сохранит своё единство, предоставив широкие автономии своим отдельным частям? Окончится ли Великая война торжеством идей права и свободы, что даст народам России возможность путём широкого, всеобщего плебисцита самим

установить своё взаимоотношение и формы своей государственности? Или восторжествует грубая сила, и целые области, прежде связанные с бывшей империей, будут принудительно отторгнуты от других и закреплены как завоеванные провинции чужеземного государства? На будущей карте Европы, в пределах Восточной низменности, где текут Днепр и Волга, что будет напечатано? Широкой лентой слова: «Российская республика»? Шрифтом в разрядку: «Федерация Российских Народов»? Или много разных надписей, среди которых – одна в ряду других: «Московская республика», если только не: «Московское царство»? Кто сегодня возьмётся судить, какое место будет занимать Россия, в системе государств и в жизни народов, в середине нашего века?

Однако, при всей этой неопределённости, есть некоторые черты, которые уже вполне отчётливо выступают из неприветливого сумрака грядущих лет. И, если мрачен этот сумрак, то эти, уже означившиеся, черты, быть может, ещё угрюмей и суровей. Всё, что сколько-нибудь несомненно в будущем, –

говорит о чём-то трудном, тяжёлом и скорбном. Не хочется быть зловещим пророком и прибавлять хоть каплю горечи к тем её океанам, которые сейчас затапливают все русские души... Но и не должно закрывать глаза на то, что видишь ясно и явно: столь же стыдно обольщать себя несбыточными надеждами или, в наше тягостное время, повторять старую, слишком дорого нам стоившую, ложь о несокрушимости России, как и молчать о безднах, уже разверзнувшихся перед нашими ногами, на нашем пути вперед, сойти с которого нам не дано...

Поскольку то не ведет к преступному самообольщению и бездействию, будем пока надеяться на наивозможно лучший для нас выход из Кавдинских ущелий, куда завели нас, прежде всего и больше всего, – старый царский режим, а потом – безумное ослепление крайних партий... Будем надеяться (повторяю: помня, что это – только надежда, которую должно поставить себе целью), что исход Великой войны не поведёт к унижению одних народов ради обогащения других, что сила Американских Соединённых Штатов, бро-

шенная, как новая гиря, на весы Судьбы, вместе с усилиями прежних союзников и нашими собственными усилиями, приведет к миру на основе давно провозглашенного принципа: «права народов на самоопределение»...

〈Конец 1917 – начало 1918〉